

Оглавление

От издателя	7
Предисловие	9
От автора	11
Введение	13
ГЛАВА 1. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО. . .	31
Насилие, подчинение, предпочтение.	31
Титулы собственности и контракты	38
Контурсы минимального государства	48
Если бы государств не существовало, следовало ли бы их изобрести?	55
Изобретение государства: общественный договор. . .	58
Изобретение государства: орудие классового господства	75
Замыкание контура с помощью «ложного сознания»	91
ГЛАВА 2. АНТАГОНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО . .	101
Подавление, легитимность и согласие.	101
Принимаемая стороны	116
Лицензия на починку.	129
Выявленные предпочтения правительств	138
Межличностная справедливость	149
Непреднамеренные последствия продуцирования межличностной полезности и справедливости . . .	163

ГЛАВА 3. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ.	173
ЛИБЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ	173
ЧЕРЕЗ РАВЕНСТВО К ПОЛЕЗНОСТИ.	196
КАК СПРАВЕДЛИВОСТЬ ОТМЕНЯЕТ КОНТРАКТЫ	209
ЭГАЛИТАРИЗМ КАК ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ	226
ЛЮБОВЬ К СИММЕТРИИ	242
ЗАВИСТЬ	257
ГЛАВА 4. «ФИКСИРОВАННЫЕ» КОНСТИТУЦИИ.	265
ПОКУПКА СОГЛАСИЯ	276
ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ВЫЗЫВАЮЩЕЕ ЗАВИСИМОСТЬ	294
ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН	320
ПЕРЕМЕШИВАНИЕ	327
К ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА.	342
ГЛАВА 5. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ.	353
ЧТО ДЕЛАТЬ?	353
ГОСУДАРСТВО КАК КЛАСС	373
НА ПЛАНТАЦИИ	388
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	400

От издателя

Политическую серию издательства ИРИСЭН продолжает книга, принадлежащая перу Энтони де Ясаи, одного из самых оригинальных политических философов современной Европы. В своих работах он успешно соединяет, с одной стороны, философский подход, свойственный аналитической философии, а с другой — последовательную приверженность политической традиции классического либерализма.

Э. де Ясаи родился в Венгрии в 1926 г., учился в Секешфехерваре и Будапеште, где получил образование в сфере сельского хозяйства. После Второй мировой войны работал независимым журналистом, однако в 1948 г. был вынужден эмигрировать из страны. С середины 50-х годов и до 1962 г. он работал экономистом-исследователем, а затем посвятил себя банковскому делу, живя и работая во Франции. С 1979 г. Э. де Ясаи занимается главным образом исследованиями в сфере экономической теории и политической философии. Его перу принадлежат пять книг и многочисленные статьи в научных и иных изданиях.

Работа «Государство», увидевшая свет в 1985 г., стала первой книгой Э. де Ясаи. В ней развивается теория политической динамики государства. В отличие от авторов большинства распространенных политико-философских концепций Э. де Ясаи рассматривает государство не как пассивный инструмент, служащий интересам общества в целом, или класса, или социальной группы и т.п., а как активно действующий субъект, преследующий собственные интересы. Такая трактовка аналогична подходу экономистов к изучению производственной фирмы, однако в отличие от последней государство стремится максимизировать не прибыль, а объем дискреционных властных полномочий, и использовать их для достижения собственных целей, каковы бы они ни были. Главным инструментом государства при этом является завоевание поддержки тех или иных групп подданных путем перераспределения в их пользу богатства, отбираемого у других. Как показано в книге Э. де Ясаи, внутренняя логика развития государства со временем неизбежно приводит к тому, что оно приобретает тотали-

тарные черты, причем независимо от субъективных качеств и намерений конкретных правителей. И это относится не только к авторитарным, но и к демократическим государствам современного типа, в которых, как показывает практика, проявляются ярко выраженные тенденции к социальному патернализму и расширению правительственного контроля над различными аспектами жизни граждан.

Книга Э. де Ясаи «Государство» — не работа по эмпирической политологии, а философское (или, говоря его собственными словами, «спекулятивное») исследование собственной логики, присущей государству и его отношениям с подданными. Попутно автор анализирует иные политико-философские теории, оказывающие большое влияние на современную политическую философию, причем оригинальность его подхода позволяет взглянуть на них под новым углом зрения. В то же время политические предпочтения самого Э. де Ясаи — классический либерализм, или либертарианство, — хотя и очевидны для читателя, не используются в аргументации, которая, таким образом, носит чисто описательный, позитивный характер.

По своему жанру представляемая вниманию русскоязычного читателя работа является научно-философской монографией. И хотя в принципе для ее понимания не требуется специальных знаний, все же будет весьма полезно знакомство с основными понятиями экономической теории. Она представляет большой интерес для всех, кто преподает или изучает политическую философию, политологию, социологию, экономическую теорию и смежные дисциплины.

Кроме непосредственного содержания, творчество Э. де Ясаи представляет интерес и как образчик европейской политической философии, развивающейся в рамках аналитической традиции. Все это послужило Редакционному совету серии основанием для принятия решения об издании книги «Государство» на русском языке.

Валентин ЗАВАДНИКОВ
Председатель редакционного совета
Февраль 2008 г.

Предисловие

Эта книга опирается на политическую философию, экономику и историю, но достаточно слабо, чтобы оставаться доступной для образованного читателя, которому она в основном и предназначена. Ее центральная тема — то, каким образом государство и общество взаимодействуют между собой и в результате не оправдывают надежд друг друга и приводят друг друга в жалкое состояние, — может затронуть достаточно широкий круг людей из числа как тех, кто управляет, так и тех, кем управляют. Большинство аргументов достаточно ясны, чтобы не требовать для своего изложения той строгости и того технического аппарата, выдержать которые, а уж тем более получить от них удовольствие сможет, скорее всего, только ученая аудитория.

В силу самой по себе обширности темы и моего несколько необычного подхода к ней специалисты сочтут, что во многих местах аргументация требует развития, уточнения или опровержения. Все это к лучшему, потому что даже если бы я и хотел, то не смог бы скрыть того, что моей целью не было ни сказать решающее слово, ни добиться максимально широкого согласия.

И читатель, и я обязаны И. М. Д. Литтлу за пристальное изучение большей части рукописи этой книги. Не его вина, что я упорствовал в некоторых своих ошибках.

Палюэль
Сен-Маритим
Франция
1997 год

От автора

«Государство» — это книга о внутренней природе политической власти, постоянной при меняющихся обстоятельствах, определяющей путь, по которому развиваются формы правления, а не определяемой этими формами.

Логика использования политической власти такова же, как и логика выбора в любой другой сфере деятельности. У рациональных существ есть цели, которых они стремятся достичь, и они применяют имеющиеся средства таким образом, который максимизирует достижение этих целей. Государство обладает особым средством — властью над поведением своих подданных, которая, будучи осуществляемой определенным образом, воспринимается как легитимная. Какими бы ни были его цели — заслуживающими морального одобрения или нет, благоприятными для подданных или нет, — государство может полностью достичь большего числа целей, если у него больше власти, а не меньше. В парадигме рационального выбора, которая лежит в основе более дисциплинированной части общественных наук, потребитель максимизирует «удовлетворение», предприятие максимизирует «прибыль», а государство максимизирует «власть».

То, что государству приписывается наличие рационального мышления и целей, которые оно пытается максимизировать, вызвало определенное удивление, критику и даже непонимание с момента первого издания «Государства». Этот подход было трудно согласовать с более традиционными представлениями о том, что власть правителя держится на доверии, что современное правительство является агентом победившей коалиции в обществе, что кучка профессиональных политиков обслуживает конкретные интересы в обмен на деньги, развлечение и славу. В нем не приписывается никакой роли общественному договору и не остается места для общего блага. И самое главное: государство, паутина институтов, рассматривается в данном подходе так, как если бы оно было человеком, обладающим разумом.

Однако подобное рассуждение приводит к «модели», своего рода схематической истории, способность которой объяс-

нять и прогнозировать сложные тенденции, прослеживая воздействие простых и постоянно действующих причин, вероятно, может оправдать разрыв с традиционной теорией.

Книга предсказывает, что путем неумолимого расширения коллективной сферы за счет частной государство — «рабочая лошадка» всегда стремится стать государством — «тоталитарным властителем». За годы, прошедшие с момента первого появления этой книги, мы стали свидетелями громкого провала одной такой попытки — крушения социалистических режимов в России и ее сателлитах. Сложно сказать, что именно опровергается этим крахом. Должна ли такая попытка всегда заканчиваться подобной неудачей? Я не вижу для этого убедительных оснований в той или иной форме. Такая попытка экспансии также не обязательно должна проходить весь путь до того момента, когда начинаются разрушение и атрофия общественных добродетелей. Но можем ли мы все же надеяться, что предупрежден значит вооружен?

Май 1997 года

Введение

Что бы вы делали, если бы *вы* были государством?

Как ни странно, политическая теория, по крайней мере начиная с Макиавелли, практически перестала задавать этот вопрос. Большое внимание в ней уделялось тому, что отдельный индивид, класс или общество в целом может получить от государства, а также легитимности власти государства и правам, сохраняющимся у его подданных. Она исследовала подчинение, которым государству обязаны потребители его услуг, то, как они участвуют в его функционировании, возмещение, которого могут требовать жертвы возможных сбоев. Это жизненно важные проблемы; с течением времени и по мере роста государства относительно гражданского общества они становятся все более важными. Но достаточно ли рассматривать их только с точки зрения *подданного*, его нужд, желаний, возможностей и обязанностей? Не станет ли наше понимание полнее, если мы посмотрим на них с точки зрения *государства*?

Данная книга представляет собой попытку проделать именно это. Несмотря на риск смешения институтов и индивидов и трудности перехода от личности правителя к его правительству как институту, государство здесь рассматривается как если бы оно было реальной сущностью, имело волю и было способно принимать обоснованные решения о средствах для достижения своих целей. Тем самым в книге предпринимается попытка объяснить действия государства по отношению к нам в терминах того, *каких действий можно было бы ожидать от него* в различных исторических ситуациях, если бы оно рационально преследовало цели, которые предположительно у него имеются.

Молодой Маркс считал, что государство «находится в противоположности» к гражданскому обществу и «преодолевают» его. Он говорил о «мирском расколе между политическим государством и гражданским обществом» и утверждал, что, «когда политическое государство насильственно появляется на свет из недр гражданского общества... государство может и

должно дойти до упразднения религии, до уничтожения религии. Но оно может прийти к этому лишь тем путем, каким оно приходит к упразднению частной собственности, к установлению максимума на цены, к конфискации, к прогрессивному обложению, тем путем, каким оно приходит к уничтожению жизни, к гильотине»¹. В отдельных пассажах других работ (особенно в «Святом семействе» и «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта») он продолжал представлять государство как самостоятельную сущность, которая идет своим путем, но не дал объяснений тому, почему это должно привести к «преодолению», «конфискации», «противоречию», почему автономное государство является антагонистом общества.

По мере продвижения к построению своей системы Маркс присоединился к основному корпусу политической теории, общей чертой которого было отношение к государству как к инструменту. Тем самым для зрелого Маркса и еще более явно для Энгельса, Ленина и воодушевляемых ими представителей социалистической мысли государство превратилось в орудие, подчиненное интересам правящего класса и обеспечивающее его господство.

Для несоциалистической теоретической традиции государство также представляет собой инструмент, поставленный на службу пользователю. Оно считается в целом благотворным и помогает *другим* достигать *их* целей. Форма этого инструмента, решаемые им задачи и круг потребителей могут различаться, но инструментальный характер государства является общим для основных направлений современной политической мысли. Для Гоббса оно сохраняет мир, для Локка — защищает естественное право на свободу и собственность, для Руссо — реализует всеобщую волю, для Бентама и Милля — является движущей силой совершенствования общественного устройства. Для сегодняшних либералов оно преодолевает неспособность частных интересов к самопроизвольной кооперации, *заставляя* их производить *коллективно предпочитаемые* объемы таких общественных благ, как порядок, оборона, чистый воздух, мощные улицы и всеобщее образование. Если исходить из более широкого определения общественных благ, то принуждение позволяет обще-

¹ Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. С. 391, 393.

ству достигать справедливости в распределении благ или даже полного равенства.

Несомненно, существуют и менее идеалистические варианты инструменталистского подхода. Для школы «нерыночного выбора» или «общественного выбора» взаимодействие актов индивидуального выбора через посредство государства влечет за собой перепроизводство общественных благ. По этой и другим причинам оно не дает добиться предпочитаемых исходов². Данная школа изучает неповоротливость орудия, каковым является государство, и его потенциальную способность навредить обществу, пытающемуся им воспользоваться. Тем не менее государство — это инструмент, хоть и несовершенный.

Но что такое дефекты, ошибки в конструкции, врожденные недостатки? И чем они отличаются от внутренней последовательности? Действительно ли республика Платона вырождается на пути от демократии к деспотии? Или же она преобразуется в соответствии с собственными целями?

Первый шаг к адекватному пониманию государства — представить себе ситуацию без государства. Следуя Руссо, мы без каких-либо на то оснований отождествляем *естественное состояние* с тем, в котором находились дикие и, возможно, не слишком сообразительные охотники на заре истории. Для нас стало условным рефлексом считать его некой ранней, примитивной стадией цивилизации, более высокая степень которой требует образования *государства* и сама является необходимым условием для этого. С эмпирической точки зрения так и могло быть, но с точки зрения логики это вовсе не следует из единственного необходимого условия естественного состояния, заключающегося в том, что в этом состоянии участники не отказываются от своего суверенитета. Ни у кого нет монополии на применение силы, все вооружены. И это условие не

² По словам одного из основателей этой школы, экономика благосостояния посвящена провалам рынка, а теория общественного выбора — провалам государства (James M. Buchanan, *The Limits of Liberty*, 1975, ch. 10 [Бьюкенен Дж. М. Сочинения // М.: Таурус Альфа, 1997. С. 426—427]). Отметим, однако, что некоторые сторонники теории общественного выбора принимают иную линию, о чем говорится ниже в главе 4, прим. 38.

обязательно противоречит какой бы то ни было ступени цивилизации, будь то отсталой или развитой.

Национальные государства находятся в естественном состоянии и не выказывают склонности совместно передать свой суверенитет сверхгосударству. При этом, вопреки тому, что обычно принимают за мнение Гоббса, большинству из них, как правило, удается избегать войн. Они даже сотрудничают в условиях вооруженного мира, причем особенно смело и с наиболее впечатляющими результатами — в сфере международной торговли, инвестиций и кредитования, несмотря на наличие суверенного риска. Теория общественного договора предсказывает, что в этих сферах межгосударственных отношений будут царить международный разбой, невыполнение обязательств, конфискации и политика, направленная на разорение соседей, а контракты будут просто бесполезными клочками бумаги. На деле, несмотря на отсутствие сверхгосударства, обеспечивающего выполнение контрактов безотносительно к национальным юрисдикциям, международное сотрудничество не разрушается. Более того, имеется определенное движение в обратном направлении. Международные отношения ставят под сомнение стандартную точку зрения, согласно которой люди в естественном состоянии — это облаченные в звериные шкуры близорукие простаки, которые колотят друг друга по голове дубинками. Напротив, есть определенные основания утверждать, что с развитием цивилизации естественное состояние становится более жизнеспособным. Страх перед более совершенным вооружением может оказаться более сильным стимулом к тому, чтобы воздерживаться от развязывания войн, и способом спасения людей от «беспросветной, жестокой и короткой жизни», чем были такие исторические сверхдержавы, как Римская, Каролингская или Британская империи, хотя, наверное, об этом еще рано говорить.

О жизнеспособности естественного состояния применительно к людям и группам людей судить труднее, чем применительно к странам. Цивилизованные люди долгое время являлись подданными государств, так что у нас нет возможности наблюдать, как бы они кооперировались в естественном состоянии. Поэтому мы не можем даже попытаться провести эмпирическое сравнение положения дел в условиях отсутствия государства и его наличия. Станут ли соблюдаться контракты в отсутствие принуждающего субъекта последней инстанции,

обладающего монополией на применение силы? Обычно считается, что в интересах каждого индивида, чтобы все остальные держали свое слово, а он мог бы свободно нарушать свое, и поэтому социальная кооперация не может осуществляться на добровольной основе. В терминах теории принятия решений корректно построенная «дилемма заключенного» не может иметь кооперативного решения, которое не навязывалось бы участникам извне. Однако недавние результаты применения математики и психологии к общественным наукам говорят нам о том, что если люди неоднократно сталкиваются с подобными дилеммами, то это заключение не обязательно верно. Люди учатся на результатах, и ожидаемые результаты подталкивают их к спонтанной кооперации. Любое рассуждение о том, что если государство должно вынуждать людей кооперироваться, то они не сделали бы этого без принуждения, является, конечно, *non sequitur**.

С другой стороны, чем дольше людей *заставляли* кооперироваться, тем менее вероятно, что они сохранили способность к *спонтанной* кооперации, если она вообще когда-либо у них была. «Те, кто могут, делают», но обратное «те, кто делают, могут» не менее справедливо, поскольку мы обучаемся через действие. Люди, вынужденные полагаться на государство, не обучаются искусству быть самостоятельными и не приобретут привычки к гражданскому действию. Одно из самых знаменитых прозрений Токвиля (хотя у него были и более тонкие умозаключения) на самом деле относилось к различию между, с одной стороны, английским и американским «правительством» [*government*], которое оставляло пространство и потребность для низовых инициатив и, не слишком вмешиваясь в жизнь людей, побуждало их самих заниматься собственными делами, и, с другой стороны, французской «администрацией» [*administration*], которой не было свойственно ни то, ни другое. Влияние государства на формирование обычаев, зависимость ценностей и предпочтений от тех самых политических структур, которые, как считается, им порождены, является лейтмотивом, постоянно повторяющимся в моих рассуждениях.

* Не следует (*лат.*). Термин, обозначающий логическую ошибку, когда вывод умозаключения не следует из его посылок. — *Прим. науч. ред.*

Другой постоянно возникающей темой является запутанный характер причинно-следственных связей в общественных отношениях. Действия государства могут достигать или не достигать задуманного эффекта, а их ближайшие проявления ничего не гарантируют относительно окончательных результатов. Однако почти всегда они имеют другие эффекты, которые могут быть более важными и долгосрочными. Вдобавок эти *непреднамеренные последствия* могут быть определенно нежелательными, непредвиденными и, по сути дела, зачастую непредсказуемыми. Именно это придает жутковатый оттенок уютной точке зрения, согласно которой политика — это плюралистическая векторная геометрия, а гражданское общество управляет само собой и контролирует государство, которое представляет собой просто машину для регистрации и исполнения «общественного выбора».

Содержание данной книги разбито на пять глав, охватывающих логический (хотя и не обязательно соответствующий реальному времени) путь государства от одной крайности, в которой *его цели не конкурируют с целями его подданных*, к другой, в которой *ему принадлежит большая часть их собственности и свобод*.

Глава 1 «Капиталистическое государство» начинается с обсуждения той роли, которую насилие, подчинение и предпочтения играют при зарождении государства. Затем в ней выводится характерная схема государства, которое, если бы оно существовало в реальности, не находилось бы в конфликте с гражданским обществом. Я называю его «капиталистическим», чтобы подчеркнуть определяющий характер его отношения к собственности и контрактам. В таком государстве концепция юридически действительного титула собственности предполагает, что нашедший никому не принадлежащий предмет становится его владельцем. Такое государство не вмешивается в контракты людей ради *их же* блага (что также исключает возможность навязывания всеохватного, всестороннего общественного договора, направленного на преодоление «проблемы безбилетника» [*free-rider*] — соблазна попользоваться бесплатно тем, за что платят другие). Оно не позволяет себе сострадания и симпатии, которую оно могло бы питать к своим менее удачливым подданным, заставляя более удачливых оказывать им помощь. Точно так же оно является госу-

дарством *без политики* [*policy-less*], минимальным государством (раздел «Контурсы минимального государства»).

Для государства иметь одновременно собственную волю и желание *минимизировать* себя выглядит как аномалия, внутреннее противоречие. Для того чтобы такое желание было рациональным, цели государства должны лежать вне политики и быть недостижимыми методами государственного управления. Цель последнего, таким образом, сводится лишь к борьбе с не-минимальными соперниками (т.е. к предотвращению революции). Такого государства, конечно, никогда в истории не было, хотя его стиль и обертоны слабо проглядывают в одном или двух государствах XVIII—XIX вв.

«Политический гедонист», рассматривающий государство как источник благоприятного баланса при вычислении соотношения между помощью и помехами с его стороны, должен логически стремиться к более чем минимальному государству и изобрел бы его, если бы его не существовало³. Политический гедонизм индивида лежит в основе потребности в более всеохватной и менее вариативной схеме кооперации, чем мешанина контрактов, возникающая в результате добровольных переговоров (раздел «Изобретение государства: общественный договор»). Для гипотетического правящего класса политический гедонизм требует машины, обеспечивающей господство (раздел «Изобретение государства: инструмент классового господства»). Оба варианта политического гедонизма предполагают некоторую доверчивость в том, что касается риска, связанного с разоружением себя ради вооружения государства. Они также подразумевают веру в инструментальный характер государства, *созданного для служения целям других* и не имеющего своих собственных целей. Однако в любом обществе, где отсутствует полное единогласие и существует плюрализм интересов, государство, сколь угодно сговорчивое, не может преследовать иные цели, нежели свои собственные. То, как оно разрешает конфликты, и тот вес, который оно придает целям других, *и есть* способ достижения им собственных целей (раздел «Замыкание контура с помощью “ложного сознания”»).

³ Термин «политический гедонист» был сформулирован великим Лео Штраусом для обозначения подданного Левиафана, обладающего собственной волей.

Вопросы о том, является ли политический гедонизм осмысленным, благоразумным и рациональным, меняет ли наличие государства наше положение в лучшую или худшую сторону, совпадает ли выбор государства относительно производства тех или иных благ в его интересах с тем, каков был бы наш выбор, снова рассматриваются в главе 2 в их связи с реформированием, социальными улучшениями и полезностью, а в главе 3 — в контексте правила «один человек — один голос», эгалитаризма (и как средства, и как цели) и распределительной справедливости.

В то время как насилие и предпочтения стоят у истоков государства соответственно в историческом и логическом аспектах, политического подчинения оно добивается путем обращения к старой триаде — подавление, легитимность, согласие, — которая является предметом первого раздела главы 2. Легитимность обеспечивает подчинение независимо от возможной награды или страха перед наказанием. Государство не может увеличить свою легитимность по своему усмотрению, кроме как по прошествии очень большого промежутка времени. Чтобы обеспечить подчинение, у него остаются лишь различные комбинации подавления и согласия (хотя оно, конечно, будет использовать ту степень легитимности, которой обладает). Согласия в небольшой части общества — например, среди охранников в лагере — может быть достаточно для того, чтобы подавить остальных. *Большая* часть выгод достанется *меньшинству*, достигшему согласия, а репрессии *тонким* слоем будут распределены среди многочисленного *большинства*. Если государство добивается подчинения в большей степени за счет согласия, то соотношение будет обратным.

По мотивам, которые в каждый конкретный момент кажутся верными, хотя со временем могут показаться необоснованными или глупыми, репрессивное государство со временем обычно начинает привлекать на свою сторону тех, кого оно подавляло, и активнее опираться на согласие (раздел «Принимаемая стороны»). В этом процессе сочетаются шаги, направленные на расширение политической демократии, и стремление к благу с мерами, вызывающими раскол и антагонизм: государство пытается получить поддержку больших групп общества, предлагая им значительное вознаграждение, отбираемое у других, возможно, более узких, но все же значительных

групп. Побочным продуктом этого процесса создания групп выигравших и проигравших является то, что государственный аппарат становится больше и изощреннее.

Мне кажется почти неоспоримым то, что нормативная составляющая любой господствующей идеологии совпадает с интересами государства, а не правящего класса, как предполагает марксистская теория. Иными словами, в широком смысле господствующая идеология говорит государству то, что оно хочет услышать, но, что еще важнее, — то, что оно хочет донести до своих подданных. Идеологическая «надстройка» не нагромождается на «базис» интересов (как обычно считается), на деле они поддерживают друг друга. В обществе может вообще не быть правящего класса, но государство и господствующая идеология будут процветать и совместно развиваться. Эта точка зрения объясняет то внимание, которое в книге посвящено утилитаризму (разделы «Лицензия на починку» и «Выявленные предпочтения правительств»), оказывающему крайне мощное, но в наше время в основном подсознательное влияние на политическую мысль прошлого и настоящего. Утилитаристские действия по «исправлению» чего-либо, оценка изменений институтов по их ожидаемым последствиям и сравнение полезностей разных индивидов, благодаря которому государство может вычестить ущерб одних из выгод других и получить *в сумме* больший уровень счастья, придают действиям государства моральное содержание. Доктрина, рекомендующая подобные операции, представляет собой прекрасную идеологию для активистского государства. Она создает моральное основание для политики государства, когда оно по своему усмотрению выбирает, кого облагодетельствовать. Однако даже если этот вопрос решается не произвольным образом, а в ходе электоральной конкуренции, то сравнение полезностей разных индивидов все равно неявно присутствует в утверждениях государства о том, что его действия правильны или справедливы (или и то и другое одновременно), а не просто необходимы для сохранения власти.

Провозглашение социальной справедливости в качестве цели и этического оправдания соблазнительной политики на первый взгляд представляет собой отход от утилитаризма. Однако фундаментальная преемственность между этими двумя критериями для оценки политики обусловлена тем, что оба они зависят от межличностных сравнений. В одном случае

сравниваются *полезности*, а в другом — *заслуги*. Любое из сравнений дает *оправдание для отмены добровольных контрактов*. В обоих случаях роль «благожелательного наблюдателя», «внимательного взгляда», который проводит обоснованное и авторитетное сравнение, естественным образом достается государству. Присвоение этой роли — такое же громадное завоевание, как и производная возможность выбрать среди подданных государства один класс, расу, возрастную группу, регион, сферу занятости и т. п., чтобы благоприятствовать соответствующей группе за счет остальных. Однако самостоятельность в выборе того, *кому благоприятствовать и за чей счет*, которой государство пользуется для создания базы поддержки реформ и перераспределения, практически неизбежно сохраняется лишь на короткий срок. В главе 4 излагаются причины того, почему она имеет тенденцию исчезать по мере нарастания политической конкуренции и привыкания общества к определенной схеме перераспределения.

Полностью развившееся государство перераспределения, по велению которого «неимущий стал законодателем для имущего»⁴ и которое со временем непредвиденным образом преобразует характер и структуру общества, имеет свой доктринальный аналог, идеологическую пару. Развитие ни одного из них невозможно до конца понять без другого. В главе 3 «Демократические ценности» рассматривается либеральная идеология, которая доминирует, когда государство, все больше зависящее от согласия общества и вынужденное конкурировать за него, поглощает людей, служа их идеалам.

Соглашаясь на наступление демократии и, конечно, содействуя ей как средству для перехода от репрессивного правления к правлению по согласию, государство обрекает себя на соблюдение определенных процедур наделения властными полномочиями (например, правило «один человек — один голос», правление большинства). Процедуры таковы, что государство в поисках поддержки должно просто подсчитывать голоса. Его политика, грубо говоря, должна вести к тому, чтобы выигравших было больше, чем проигравших, вместо того чтобы, например, благоприятствовать тем, кто больше этого

⁴ Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. С. 390.

заслуживает, больше нравится государству, обладает большим влиянием или удовлетворяет более тонкому критерию. Добиваться того, чтобы выигравших было больше, чем проигравших, всегда привлекательнее, приговаривая к роли проигравших некоторое количество богатых, чем такое же количество бедных. Однако это правило всего лишь удобно, но не более того. Оно может не завоевать одобрения тех, кто находится в стороне, кто не рассчитывает что-то получить от его применения. Некоторые из них (включая многих последовательных утилитаристов) предпочтут правило, требующее «создавать больше *выигрыша*, а не больше *выигравших*», и забудут о подсчете голосов. Другие захотят дополнить правило оговоркой «с учетом естественных прав» или же «при условии отсутствия посягательств на свободу». Любое из этих условий является достаточно жестким, чтобы полностью затормозить любые демократические меры.

Соответственно, для либеральной идеологии очень полезно построение одной или, для верности, нескольких систем аргументации в пользу того, что демократические *политические меры* действительно создают демократические *ценности*, т.е. что политическая целесообразность является достаточно надежным руководством к хорошей жизни и к достижению одобряемых всеми конечных целей.

Я рассматриваю четыре подобные системы аргументации. Первая, наиболее выдающимися защитниками которой были Эджуорт (безупречно) и Пигу (более сомнительно), направлена на доказательство сильного утверждения о том, что выравнивание доходов ведет к максимизации полезности. Мой контраргумент (раздел «От равенства к полезности») заключается в том, что если вообще имеет смысл складывать полезности разных индивидов и максимизировать сумму, то разумнее утверждать, что на самом деле к максимизации полезности ведет *любое* устоявшееся, освященное временем распределение доходов, равномерное или неравномерное. (А если и есть доводы в пользу выравнивания, то сфера их применимости ограничена новыми богатыми или новыми бедными.)

Более модную, хотя и менее влиятельную аргументацию построил Джон Ролз, который рекомендует модифицированный, умеренный вариант эгалитаризма как соответствующий принципам справедливости. По нескольким причинам я оспариваю принципы, которые он выводит из предусмотрительного

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru